

Поклонники Сильвии

Англия, конец XVIII века. Страна охвачена ужасом из-за нарастающей военной мощи французов. Английскому флоту нужны моряки. И Адмиралтейство дает ордера на принудительную вербовку матросов. Молодых людей хватают прямо на улицах и связанными доставляют на корабли. В предвоенном хаосе юная дочь фермера Сильвия влюбляется в красивого матроса-гарпунщика Чарли Кинрейда, в то время как чопорный и идеальный во всем Филипп, кузен Сильвии, сгорает от неразделенной любви к ней. Любовный треугольник ранит острыми углами. Но в жизни героев врываются вербовщики, и хаос большой истории калечит судьбы влюбленных. Лишь пройдя все испытания, раскаявшись и смирившись, преодолев невыносимую пропасть между долгом и желанием, Сильвия сделает выбор. Но после всего произошедшего станет ли она по-настоящему счастливой?..

ПОКЛОННИКИ
СИЛЬВИИ

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

КСД

ELIZABETH GASKELL

SYLVIA'S
LOVERS

A NOVEL

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ПОКЛОННИКИ
СИЛЬВИИ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9235-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В оформлении обложки использованы фрагменты картин *Ф. К. Винтерхальтера* «Графиня Орлова-Денисова» (1853) и *Б. К. Куккука* «Горный пейзаж» (1848)

Перевод с английского *Александра Оржицкого*

Англия, кінець XVIII століття.

Країна охоплена жахом через наростання військової могутності французів. Англійському флоту потрібні моряки. І Адміралтейство видає ордери на примусове вербування матросів. Молодих людей хапають просто на вулицях і зв'язаними доставляють на кораблі. У передвоєнному хаосі юна дочка фермера Сільвія закохується у вродливого матросо-гарпунника Чарлі Кінрейда, в той час як манірний і ідеальний у всьому Філіпп, кузен Сільвії, палає від нерозділеного кохання до неї. Любовний трикутник ранить гострими кутами. Але в життя героїв вдираються вербувальники, і рука великої історії калічить долі закоханих.

Гаскелл Э.

Г22 Поклонники Сильвии : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. А. Оржицкого. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 608 с.

ISBN 978-617-12-9079-2

Англия, конец XVIII века.

Страна охвачена ужасом из-за нарастающей военной мощи французов. Английскому флоту нужны моряки. И Адмиралтейство дает ордера на принудительную вербовку матросов. Молодых людей хватают прямо на улицах и связанными доставляют на корабли. В предвоенном хаосе юная дочь фермера Сильвия влюбляется в красивого матроса-гарпунщика Чарли Кинрейда, в то время как чопорный и идеальный во всем Филипп, кузен Сильвии, сгорает от неразделенной любви к ней. Любовный треугольник ранит острыми углами. Но в жизни героев врываются вербовщики, и рука большой истории калечит судьбы влюбленных.

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

*Эта книга посвящается
МОЕМУ ДОРОГОМУ МУЖУ
той, кто ценит его больше всех на свете.*

Глава I. Монксхэйвен

На северо-восточном побережье Англии стоит городок под названием Монксхэйвен, в наши дни насчитывающий около пятнадцати тысяч жителей. В конце прошлого века, однако, число это было меньше в два раза, и именно тогда произошли события, изложенные на страницах этой книги.

Монксхэйвен сыграл свою роль в английской истории, и в городке бытовало предание, что именно он стал местом высадки лишенной трона королевы. В ту пору над ним возвышался укрепленный замок, чье место теперь занимает покинутое имение; во времена же, предшествовавшие даже прибытию королевы, к коим восходят древнейшие из замковых руин, на скалах сих стоял огромный монастырь, высившийся над бескрайним океаном, сливавшимся с небесами у далекого горизонта. Сам же Монксхэйвен вырос на берегу реки Ди, в том самом месте, где она впадает в Германский океан¹. Главная улица города проходила параллельно реке, а между ответвлявшимися от нее по склонам крутого холма улочками поменьше и самой рекой ютились дома горожан. Через Ди был переброшен мост, по которому со временем пролегла Бридж-стрит, под прямым углом пересекавшая Хай-стрит; на южном берегу реки стояло несколько домов более претенциозного вида, вокруг которых раскинулись сады и поля. Именно в этой части города жила местная аристократия. Кем же были лучшие люди этого маленького городка? Нет, они не были представителями младших ветвей семейств, унаследовавших титулы и поместья на краю диких, мрачных болот, кои подобно морю отделяли Монксхэйвен от остальной части суши. Отнюдь нет. Залогом благосостояния сих старинных семей было не самое почетное, но увлекательное ремесло, приносившее богатство целым поколениям некоторых монксхэйвенских родов.

Магнатами в Монксхэйвене были те, кто мог похвастать наиболее многочисленными флотилиями китобойных судов. Жизнь родившегося в городке и принадлежавшего к сему социальному классу юноши в целом сводилась к следующему: он поступал в обучение на корабль, принадлежавший одному из крупных судовладельцев — возможно, его собственному отцу — вместе с парой десятков или даже бóльшим

числом ровесников. В летние месяцы они отправлялись в плавание в Гренландское море, а ранней осенью возвращались оттуда с грузом; зиму юноша проводил, следя за вытапливанием жира из ворвани и осваивая навигацию под началом какого-нибудь чудаковатого, но опытного учителя, полунаставника, полуморяка, приправлявшего уроки рассказами о буйных похождениях своей юности.

В мертвый сезон, длившийся с октября по март, жилище судовладельца, к которому юноша поступал в обучение, становилось пристанищем для него самого и его однокашников. Положение юношей в этом доме зависело от того, какая сумма была уплачена за их обучение; одни считались ровней хозяйским сыновьям, другие стояли ненамного выше слуг. А вот на борту судна все были равны и возвыситься над остальными можно было лишь благодаря смелости и уму. Совершив определенное число плаваний, монксхэйвенский юноша мог дослужиться до капитана — ранга, дававшего ему долю в прибылях с продажи груза; если ему не повезло родиться сыном судовладельца, деньги эти, равно как и его собственные сбережения, шли на постройку собственного китобойного судна. Ко времени написания этой книги разделения труда в монксхэйвенском китобойном промысле почти не было. Один и тот же человек мог владеть шестью-семью китобойными судами, каждым из которых мог самостоятельно командовать благодаря своему образованию и опыту, иметь пару десятков учеников, кои не скупилась на оплату, и являться собственником топилен, куда доставлялись ворвань и китовый ус для последующей продажи. Стоит ли удивляться, что судовладельцы подобного рода накапливали большие состояния, позволявшие им возводить на южном берегу реки Ди величавые, роскошно обставленные особняки, и что весь городок создавал впечатление чего-то плавучего — даже в большей мере, чем это бывает с морскими портами? Жизнь его обитателей зависела от китобойного промысла, и каждый мужчина здесь был или надеялся стать моряком. Бывали месяцы, когда в низовьях реки стоял смрад, невыносимый для всех, кроме жителей Монксхэйвена; местные же старики и дети слонялись по грязным причалам часами, так, словно запах китового жира был для них чудеснейшим из благовоний.

Впрочем, хватит рассказывать о самом городе. Как я уже упоминала, на мили вокруг него раскинулись топи; над морем возвышались

фиолетовые утесы, чьи вершины устилал дерн, тянувшийся вниз по склонам подобно травянистым прожилкам. То тут, то там сквозь каменистую породу пробивались впадавшие в море ручьи; за многие века их течение образовало довольно широкие долины. В долинах этих, как и в болотных лощинах, царствовала буйная растительность; взобравшись на голую вершину, вы содрогались от вида распростершейся вокруг пустынной глуши; однако стоило вам спуститься в одну из таких «низин», как вас охватывало чарующее ощущение уюта и защищенности.

И все же за пределами этих немногочисленных плодородных долин болота простирались на многие мили: безрадостный пейзаж с видневшимися то тут, то там вкраплениями красного песчаника среди редкой травы; через болота тянулась не такая уж безопасная бурая тропа из торфа и грязи, по которой можно было срезать путь; песчаные возвышенности устилал пурпурный вереск, одно из самых распространенных растений этого семейства, произрастающий в прекрасной глухомани. Кое-где землю покрывала сочная, пружинящая трава, на которой паслись маленькие овцы с черными мордами; виной ли тому столь скудный корм или же причина заключалась в их поистине козлиной прыти, однако овцы эти были слишком тощими для того, чтобы заинтересовать мясника, а их шерсть — слишком низкокачественной, чтобы приносить доход владельцам. В таких местах и в наше-то время мало кто живет, а в прошлом веке, до того, как сельское хозяйство стало делом, способным благодаря науке бороться со скудными болотистыми почвами, и до появления железных дорог, позволивших съезжаться охотникам из других краев, благодаря чему каждый год возникал сезонный спрос на жильё, тамошнее население было еще малочисленнее.

В долинах возвышались старинные каменные усадьбы, а на болотах то тут, то там стояли убогие фермерские домишки, во дворах которых виднелись стога никудышного сена и большие кучи торфа, служившего зимой для обогрева. На окрестных полях пасся скот, принадлежавший владельцам этих жилищ; коровы выглядели тощими, однако, как и у упомянутых ранее черномордых овец, в их мордах было что-то странно умное, непохожее на безмятежно-тупое

выражение, столь присущее откормленным животным. Заборы представляли собой каменные стены с дерном у основания.

Немногочисленные зеленые долины были довольно изобильны и плодородны. Тянувшиеся вдоль ручьев узкие луга, казалось, могли накормить коров сочной травой, а вот редкая поросль на возвышенностях едва ли стоила усилий, затраченных на ее поиски. Впрочем, даже в «низинах» непрестанно дувшие с моря пронзительные ветра не позволяли деревьям расти; и все же подлесок там был довольно густым; он рос вперемежку с ежевикой, шиповником и жимолостью; если же жена или дочь фермера, жившего в одной из этих вполне счастливых долин, увлекалась садоводством, то с западной или южной стороны грубого каменного дома было немало цветов. Впрочем, в те времена садоводство в Англии было не слишком популярно, а в северной части страны не обрело популярности до сих пор. Знать и джентльмены выращивают красивые сады, но вот фермеров и поденщиков к северу от Трента все это, уж поверьте, интересует мало. Несколько ягодных кустов, пара кустарников черной смородины, листья которой кладут в чай, а плоды используют для лечения простуды, грядка картофеля (в конце прошлого века он еще не был распространен так, как сейчас), высаженная в ряд капуста, куст шалфея, мелисса, чабрец, майоран и иногда розовый куст или лечебная полынь; небольшая грядка грубого лука и кое-где ноготки, лепестками которых приправляют бульон из говяжьей солонины; именно так выглядел типичный сад зажиточного фермера тех времен в краю, о котором пойдет речь в моем рассказе. Однако и в двадцати милях от побережья все напоминало о море и морском промысле; негодные в пищу моллюски, водоросли и китовые внутренности шли в этих краях на удобрения; жутковато белевшие гигантские челюсти китов служили воротами для многих полей, обнесенных оградами, отделявшими их от вересковых пустошей. В фермерских семьях, где росло несколько сыновей, один обязательно становился моряком; можно было увидеть, как матери таких семейств с тоской смотрят в сторону побережья и вслушиваются, не изменится ли тональность свистевшего над пустошами ветра. Традиционным местом для праздничных прогулок также было побережье; вглубь страны местные жители отправлялись крайне редко, исключая разве что время больших

конных ярмарок, проводившихся каждый год там, где мрачные пустоши уступали место населенным возделываемым землям.

Что бы ни было тому причиной, однако море в этих краях занимало помыслы даже тех людей, которые жили вдали от побережья, в то время как в других частях нашего острова о соленой воде почти не вспоминали уже в пяти милях от берега. Главной причиной этого, несомненно, был великий промысел у берегов Гренландии, коим жили все прибрежные городки. Впрочем, в описываемый мной период море также служило причиной всеобщего страха и раздражения.

После окончания Американской войны² содержание флота не требовало экстраординарных усилий, а потому расходы на него сокращались с каждым мирным годом. В 1792 году эта сумма достигла минимума. Однако в 1793 году во Франции разразились события, пожар от которых запылал по всей Европе; англичане пришли в антигалльское исступление, кое королевский двор и его министры всеми силами старались направить в нужное русло. У нас имелись корабли, но где же были наши люди? Впрочем, у Адмиралтейства тут же нашлось готовое решение, опиравшееся на многочисленные прецеденты и нормы если не статутного, то общего права. Оно выпустило «вербовочные ордера», призывая гражданские власти по всей стране оказывать своим офицерам всяческое содействие в исполнении их долга. Побережье разделили на регионы, возглавляемые капитанами военно-морского флота; каждый из таких регионов, в свою очередь, делился на участки, возглавляемые лейтенантами; все возвращавшиеся домой корабли ожидали, каждый порт находился под наблюдением; при необходимости флот его величества в любой момент можно было пополнить большим числом новых рекрутов. Однако чем больше возрастали потребности Адмиралтейства, тем неразборчивее в средствах оно становилось. Если человек не был моряком, но обладал физической силой, моряка из него можно было сделать в два счета; стоило ему оказаться на борту посыльного судна, которое всегда стояло неподалеку в ожидании успеха вербовщиков, и пленнику было очень сложно доказать природу своих прежних занятий, особенно потому, что никто не хотел его слушать, а даже выслушав, не стал бы предпринимать никаких мер для его освобождения. Похищенные люди исчезали, и никто никогда о них больше не слышал. Улицы оживленных городов стали небезопасными,

в чем на собственном опыте убедился лорд Терлоу, когда во время прогулки по Тауэр-Хилл его, генерального прокурора Англии, насильно завербовали. У Адмиралтейства были свои методы борьбы с надоедливými жалобщиками и истцами. Одинокие обитатели внутренних районов острова подвергались не меньшей опасности: немало сельских жителей, отправляясь на статутные ярмарки³, именовавшиеся в народе «швабрами», так никогда оттуда и не возвращались, чтобы сообщить родным о своем найме; немало крепких фермеров не вернулись к отцовскому очагу, о многих из них больше не слышали их матери и возлюбленные. Такова была нужда в новых рекрутах в первые годы войны с Францией и после каждой значимой морской победы в той войне.

Служащие Адмиралтейства устраивали засады на грузовые и торговые суда; было немало случаев, когда возвращавшиеся домой после долгого отсутствия корабли с богатым грузом брали на абордаж в нескольких днях пути от суши, после чего из их команды насильно вербовали так много людей, что управлять столь тяжело нагруженным кораблем становилось просто невозможно и его уносило обратно в бескрайний океан; случалось, такие суда находили под управлением пары слабых и несведущих матросов, а бывало, о них никогда больше не слышали.

Моряков забирали из-под носа у родителей и жен и часто лишали денег, заработанных тяжким многолетним трудом, — они оставались в распоряжении торговцев, которым служили эти люди. Сегодня подобная тирания (иного слова я подобрать просто не могу) кажется нам немыслимой; сложно представить, что нация, пусть даже охваченная воинственным энтузиазмом, боявшаяся вторжения или исполненная подобострастного верноподданничества, мирилась с этим так долго. Когда мы читаем о том, как армию призывали в помощь гражданским властям для проведения насильственной вербовки, о патрулировавших улицы солдатах, о дежуривших у двери часовых со штыками, пока вербовщики обыскивали в доме каждую щель, каждый угол, когда слышим о том, как церкви окружали во время богослужений, пока вербовщики ждали у порога, чтобы схватить выходящих со службы прихожан, и понимаем, что все это — совершенно типичные примеры того, что происходило повсеместно, мы волей-неволей перестаем удивляться жалобам лорд-мэров и прочих

представителей гражданских властей на то, что торговая деятельность почти прекратилась из-за опасности, которой торговцы и их слуги подвергались, выходя из своих домов на улицы, кишевшие вербовщиками.

Была ли причиной тому бóльшая близость к метрополии — политическому и новостному центру, — наполнявшая жителей южных графств той разновидностью патриотизма, что зиждется на ненависти ко всем прочим странам, гораздо больший риск быть пойманным в южных портах, приучивший команды торговых судов к чувству опасности, или же привычное для городов вроде Портсмута или Плимута восприятие службы на флоте как чего-то романтического и открывающего путь к славе, однако правда заключается в том, что южане приняли гнет насильственной вербовки с большей покорностью, чем дикие обитатели северо-востока. Для них доходы, не связанные с китобойным промыслом в открытом море или у берегов Гренландии, превращали моряка в личность презренную, ведь благодаря собственным смелости и расчетливости он мог сам стать судовладельцем. Многим вокруг это удавалось и размывало границы между социальными классами; общее дело и пережитые вместе опасности, выгода, которую каждый получал, достигнув цели, к которой стремился вместе с остальными, — все это создавало между жителями побережья крепкие узы, и попытки внешних сил разорвать их вызывали пламенный гнев и жажду мести. Один йоркширец как-то сказал мне: «У нас в графстве все одинаковы. Сопrotивляться — в нашей природе. Почему? Да потому, что, услышь я, как кто-то говорит, что денек хороший, я тут же попытаюсь найти доказательства того, что на самом деле он скверный. У нас это в мыслях, словах и делах».

Можете себе представить, как нелегко приходилось вербовщикам на йоркширском побережье. В других местах они вызывали страх, здесь же — лишь ярость и ненависть. 20 января 1777 года лорд-мэра Йорка предупредили в анонимном письме, что «если этих людей не отошлют прочь из города до следующего вторника, то и жилище, и имение его светлости будут сожжены дотла».

Возможно, такая враждебность отчасти объяснялась обстоятельством, которое мне довелось приметить и в иных местах, расположенных сходным образом. Там, где владения джентльменов,

происходивших из древних родов, однако не имевших больших доходов, окружают центр прибыльной торговли либо производства, помещики испытывают скрытую неприязнь к купцам, будь те производственниками, торговцами или судовладельцами, в чьих руках сосредоточена сила денег, не ограниченная дворянской спесью или джентльменской любовью к ничегонеделанью. Неприязнь эта, по правде говоря, носит большей частью пассивный характер, выражаясь обычно в безмолвии и бездействии, эдаком апатичном и жеманном игнорировании неприятных соседей; однако в последние годы описываемого мной периода монксхэйвенские китобои стали столь дерзко и бесцеремонно успешными, а монксхэйвенские судовладельцы — столь богатыми и влиятельными, что сквайры, ведшие праздную жизнь в своих старинных каменных поместьях, разбросанных по окрестным вересковым пустошам, решили, что узда, коей насильственная вербовка должна была стать для монксхэйвенской торговли, являлась замыслом высших сил (насколько высшими, по их мнению, были эти силы, я предположить не берусь), призванным замедлить богопротивное обогащение, и что они лишь исполняли свой долг, используя свое положение в обществе для содействия Адмиралтейству всякий раз, когда их об этом просили и когда они могли оказать подобное содействие, не прилагая чрезмерных усилий в вопросах, которые их по большому счету не касались.

Наиболее расчетливые члены семейств, где было несколько дочерей, руководствовались также еще одним соображением. Командовавшие вербовкой капитаны и лейтенанты слыли в большинстве своем завидными женихами благородной профессии; они были по меньшей мере весьма приятными гостями, которые могли заглянуть на огонек, когда у них выдавался свободный день, и кто знал, чем закончится подобный визит?

Да и отношение к этим бравым воинам в самом Монксхэйвене нельзя было назвать неприязненным, исключая моменты, когда они вступали в прямую конфронтацию с местными жителями. Офицеры отличались подкупающей прямолинейностью, присущей людям их профессии, были известны участием в делах, одно упоминание о которых до сих пор способно согреть сердце любого квакера, и не слишком гордились своей причастностью к грязной работе, которая велась с их молчаливого согласия. Потому, в то время как мало кто из

жителей Монксхэйвена проходил мимо приземистого трактира с развевавшимся над ним синим флагом (знаком того, что заведение являлось местом сбора вербовщиков), не сплюнув в знак отвращения, большинство из них, встречая на Хай-стрит лейтенанта Аткинсона, коротко кивали ему в знак уважения. Касаться края шляпы в тех краях было не принято, а вот чудной полупоклон служил знаком дружеского расположения. Судовладельцы иногда приглашали лейтенанта на обед или на ужин, однако, памятуя о том, что он в любой момент мог превратиться во врага, не собирались позволять ему чувствовать себя «как дома», сколько бы незамужних дочерей у них ни было. И все же благодаря тому, что лейтенант умел рассказывать увлекательные истории, был способен перепить почти кого угодно и всегда с радостью навещался в гости, в Монксхэйвене к нему относились лучше, чем можно было предположить. Основная доля ненависти, вызываемой деятельностью Аткинсона, доставалась его подчиненным, коих в народе считали гнусными похитителями и соглядатаями и называли «вредителями»: вербовщики в любое время готовы были охотиться на местных и всячески им досаждают, совершенно не беспокоясь о том, что о них думают. Уж в чем в чем, а в трусости их нельзя было упрекнуть. За ними стоял закон, а значит, и их деятельность была законной. Они служили королю и стране. Эти люди пускали в ход все свои возможности, что всегда приятно. Перехитрить другого — дело славное и позволяющее почувствовать триумф. Их жизнь была полна приключений, а работа — законна и угодна короне, требовала ясного ума, готовности действовать и смелости; вдобавок каждому присуща страсть к преследованию. Милях в четырнадцати-пятнадцати от берега на рейде стояла «Аврора», славный военный корабль, на который несколько посыльных судов, расположившихся в наиболее стратегически выгодных точках вдоль побережья, свозили живой груз. Одно из них, «Бойкую леди», можно было заметить с возвышавшихся над Монксхэйвеном скал: корабль стоял недалеко от берега, однако скрывавший его высокий мыс позволял судну не попадать в поле зрения горожан. А еще был «Рандеву-хаус» (так местные прозвали уже упоминавшийся трактир с синим флагом), где заседала команда «Бойкой леди», приглашавшая неосторожных путников пропустить стаканчик. На то время деятельность вербовщиков этим и ограничивалась.

- [1](#) Одно из названий Северного моря. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)
- [2](#) Речь идет о Войне за независимость США (1775—1783).
- [3](#) Ярмарки, где слуги могли наняться на работу.

Глава II. Возвращение из Гренландии

Теплым октябрьским днем 1796 года две девушки, выйдя из своих сельских домов, отправились в Монксхэйвен, чтобы продать масло и яйца, ведь обе они были дочерьми фермеров; впрочем, жизненные обстоятельства их были различными: Молли Корни происходила из многодетной семьи и с малых лет привыкла к лишениям; Сильвия Робсон была единственным ребенком, так что даже чужие люди относились к ней с большей теплотой, чем к Мэри⁴ — ее пожилые родители. Продав свой товар, девушки собирались отправиться за покупками: в те дни торговли продавали масло и яйца, первую половину дня сидя у подножия старого разбитого креста, после чего, если им не удавалось распродать все, что у них было, с неохотой отправлялись в магазины, чтобы сбыть остатки по сниженной цене. Впрочем, хорошие хозяйки часто наведывались к Масляному кресту, где, нюхая и ругая интересовавший их товар, вступали в бесконечные словесные баталии в зачастую безуспешных попытках сбить цену. В прошлом веке, если женщина не торговалась на рынке, о ней могли подумать, что она просто не знает, как вести хозяйство; фермерские жены и дочери тоже считали это в порядке вещей; они отпускали шуточки собственного сочинения в адрес клиенток, которые, узнав, где продаются хорошее масло и свежие яйца, приходили туда раз за разом, вновь и вновь ругая товар и вновь и вновь его покупая. В те дни такое занятие было для них чем-то сродни отдыху.

Чтобы не забыть о покупках, которые ей предстояло сделать, Молли завязала по узелку на своем платке в розовую крапинку: ничем не примечательные, однако необходимые товары на всю неделю; забудь она хотя бы об одном из них, ей бы влетело от матери по первое число. Из-за этих узелков платок Молли стал похож на девятихвостую плеть, именовавшуюся на флоте «кошкой»; впрочем, ни одна из покупок не предназначалась для какого-либо конкретного члена многочисленной семьи Корни. Они могли позволить себе тратить деньги лишь на общие нужды, и об ином никто особо не задумывался.

У Сильвии все было иначе. Ей предстояло впервые выбрать себе плащ, а не получить старый, четырежды перекрашенный материнский, который уже успели поносить две старшие сестры (впрочем, Молли была бы рада даже такому). Новехонький шерстяной плащ. Ее собственный. Причем родители не ограничили ее в цене покупки, так что Сильвии оставалось лишь выслушивать советы восхищенной Молли — советы дружеские, хоть и не лишённые затаенной зависти к более удачливой подруге. Разговор то и дело уходил в сторону, однако Сильвия вновь и вновь возвращалась к рассуждениям о преимуществах серого и алого цветов. Первую половину пути девушки проделали босиком, неся башмаки и чулки в руках, однако, приблизившись к Монксхэйвену, остановились и свернули на тропинку, спускавшуюся от главной дороги к реке Ди. В том месте были огромные камни, у которых вода бурлила, образуя глубокие заводи. Сев на прибрежную траву, Молли принялась мыть ноги, а вот более живая (или, быть может, просто более веселая благодаря мыслям о плаще) Сильвия, поставив корзину на каменистый участок берега, перепрыгнула на валун, выступавший из-под воды почти посередине реки. Оказавшись на камне, девушка с поистине детским восторгом принялась бить ногами по быстрой холодной воде, окуная в нее маленькие розовые пальчики.

— Давай-ка потише, Сильвия. Ты меня с ног до головы забрызгаешь, а мой папаня, в отличие от твоего, навряд ли сподобится подарить мне новый плащ.

На мгновение Сильвия замерла, пусть и не слишком устыдившись. Вытащив ноги из воды, она, словно желая избежать соблазна, отодвинулась подальше от Молли, усевшись на той стороне валуна, где поток был помельче из-за усеивавших дно камней. Однако стоило девушке отвлечься от игры, как мысли ее тут же вернулись к главному — к плащу. Еще минуту назад оживленная, полная игривости и озорства, Сильвия теперь сидела на камне в неподвижной задумчивости, скрестив ноги подобно маленькой султанше.

Молли вымыла ноги и неспешно натягивала чулки, как вдруг до нее донесся внезапный вздох; обернувшись к ней, Сильвия произнесла:

— Дался же матушке этот серый цвет!

— Да ладно тебе, Сильвия; когда мы поднялись на пригорок, она всего-то попросила тебя дважды подумать, прежде чем покупать алый

плащ.

— Ай! Матушка говорит мало, но веско. Батюшка у нас разговорчивый, прямо как я, а вот из нее слова лишнего не вытянешь. Так что если уж она говорит, то всегда по делу. Вдобавок, — произнесла Сильвия удрученным тоном, — матушка велела мне спросить совета у кузена Филипа. Не люблю слушать советы мужчин в таких делах!

— Ну, если мы будем и дальше здесь рассиживаться, то до Монксхэйвена сегодня так и не доберемся и не успеем ни яйца продать, ни плащ купить. Солнышко скоро начнет клониться к закату. Идем, девонька, идем.

— Но если я натяну чулки и обуюсь, а потом прыгну обратно на мокрые камни, мне нельзя будет показаться на людях, — захныкала Сильвия с забавным детским смущением.

Поднявшись, она твердо стояла босыми ногами на покато́м валуне; ее изящная фигурка выглядела так, словно девушка собирается сделать прыжок.

— Знаешь, ты ведь можешь перескочить босиком, а потом снова вымыть ноги — вот и все; тебе с самого начала нужно было сделать так же, как я и как на моем месте сделал бы любой здравомыслящий человек. Экая ты несмышленная!

Тут же перепрыгнув на берег, Сильвия прервала тираду Молли взмахом руки:

— Не надо меня поучать. Я не люблю проповедей. У меня будет новый плащ, девонька, и лекции мне не нужны. Смьшленость можешь оставить себе, а мне хватит и плаща.

Уж не знаю, сочла ли Молли такой обмен равноценным.

На девушках были облегающие чулки, собственноручно связанные каждой из них из популярного в тех краях синего гаруса, и закрытые черные кожаные башмаки на высоких каблуках с блестящими стальными пряжками. Обувшись, подруги двигались уже не так легко и свободно, однако походка их по-прежнему была пружиниста и полна энергии, свойственной ранней юности: полагаю, ни одной из них тогда не исполнилось еще и двадцати лет; Сильвии на тот момент, вероятно, и вовсе было не больше семнадцати.

Пробравшись по крутой травянистой тропинке сквозь подлесок и заросли цеплявшейся за клетчатые юбки ежевики, девушки

оказались на главной дороге, где, как у них это называлось, «привели себя в порядок»: сняли черные войлочные чепцы, вновь заплели растрепавшиеся волосы, как следует отряхнулись от дорожной пыли; каждая расправила свою маленькую шаль (или, если хотите, большой шейный платок), покрывавшую плечи, заколотую на шее и заправленную за передник; затем, вновь надев чепцы, подруги взяли корзины и приготовились чинно войти в город.

Еще один поворот — и взглядам девушек открылись островерхие красные крыши домов, сгрудившихся почти у подножия холма, по которому они шли. Яркое осеннее солнце придавало черепице оттенок пламени, а вот окутывавшие узкие улочки тени становились еще гуще. Расположившаяся в устье реки тесная гавань была переполнена всевозможными маленькими судами — причудливый лес из мачт, а за гаванью раскинулось море — залитая солнцем сапфировая гладь, лишь изредка нарушаемая рябью и протянувшаяся на многие лье к горизонту, где она сливалась с нежной лазурью небосвода. Гладь эта была усеяна десятками рыбацких лодок под белыми парусами, которые казались неподвижными, если вы не определяли их положение с помощью какого-нибудь ориентира; и все же, несмотря на внешнюю неподвижность, тишину и отдаленность, осознание того, что на борту каждой из этих лодок были люди, забрасывавшие сети на огромную глубину, делало их вид странно завораживающим. У речной отмели стояло судно побольше. Совсем недавно поселившаяся в этих краях Сильвия смотрела на него с таким же безмолвным интересом, как и на остальные; а вот Молли, едва завидев его, громко воскликнула:

— Это китобоец! Китобоец, вернувшийся из Гренландского моря! Первый за сезон! Благослови его Бог!

Развернувшись, она восторженно сжала руки Сильвии. Та залилась румянцем, и ее глаза понимающе сверкнули.

— Неужто правда? — спросила девушка.

У нее тоже перехватило дыхание; Сильвия не умела отличить один корабль от другого, однако ей было известно, что китобойцы вызывают у всех самый оживленный интерес.

— Три часа! А прилива не будет до пяти! — сказала Молли. — Если мы поспешим, то успеем продать яйца и доберемся до причала еще до того, как корабль войдет в порт. Пошевеливайся, девонька!

Они почти сбежали по длинному крутому склону. Почти, потому что, если бы подруги помчались во весь опор, бóльшая часть аккуратно уложенных яиц разбилась бы. Оказавшись внизу, девушки вышли на длинную узкую улицу, петлявшую вдоль реки. Им ужасно не хотелось идти на рынок, располагавшийся на пересечении Бридж-стрит и Хай-стрит. Там стоял старый каменный крест, давным-давно установленный монахами; потрескавшийся и разбитый, он уже не воспринимался как священный символ и был известен в городе лишь как Масляный крест, у которого по средам собирались торговки и городской глашатай возвещал о продаже домов, потерях и находках, неизменно начиная свою речь возгласом «О да! О да! О да!» и заканчивая ее фразой «Боже, храни короля и лорда этого имения!», сопровождавшейся очень бодрым «аминь», после чего глашатай удалялся, сняв ливрею, чьи цвета выдавали в нем слугу Барнеби, семейства, обладавшего в Монксхэйвене помещичьими правами.

Разумеется, оживленный перекресток у Масляного креста был любимым местом торговцев, и в такой славный рыночный день, когда хорошие хозяйки начинали запасаться одеялами и фланелью, по ходу дела вспоминая и о прочих потребностях, в лавках была куча покупателей. Однако сегодня там было даже более пустынно, чем в обычные дни. На низких трехногих табуретах, сдаваемых за пенни в час торговкам, не успевшим занять место на ступенях, также никто не сидел; некоторые из табуретов были перевернуты, так, словно люди в спешке покинули перекресток.

Молли смекнула все с первого взгляда, хоть у нее и не было времени объяснять свои действия Сильвии, и стрелой метнулась в магазин на углу.

— Китобои возвращаются! У отмели стоит корабль!

Ее слова прозвучали как утверждение, однако во взволнованном голосе Молли слышался вопрос.

— Ага! — отозвался хромоногий старик, чинивший рыболовные сети за грубым сосновым прилавком. — Рано возвращаются, и, как я слыхал, с хорошими вестями от остальных. В былые деньки я бы сам махал им шляпой с причала, но теперь Господу угодно, чтобы я сидел дома и чинил чужие вещички. Видала, девуля, сколько они мне принесли корзин и прочего добра, перед тем как побежать на берег? Оставь и ты свои яйца и сбегай поглазей, а то вдруг тебя в старости

паралич разобьет и ты будешь горевать о том, что упустила в юности? А, ладно! Кому нужны мои нравоучения? Надо бы найти хромого вроде меня и читать проповеди ему. Не священник я, чай, чтобы меня все слушали.

Старик осторожно отставил корзины в сторону, ни на мгновение не прекращая болтовню, обращенную большей частью к себе самому. Затем, вздохнув пару раз, он взял себя в руки и, напевая под нос, вернулся к унылой работе.

К тому времени Молли и Сильвия уже бежали по причалу. Они неслись со всех ног, не обращая внимания на колотье в боку, — мчались вдоль берега реки, туда, где собирались люди. До гавани от Масляного креста было недалеко, и через пять минут запыхавшиеся девушки уже стояли в месте, откуда можно было видеть море, не углубляясь в толпу; впрочем, толпа продолжала увеличиваться, и вскоре вновь прибывшие окружили и их. Все взгляды были устремлены на корабль, покачивавшийся на якоре прямо у отмели, менее чем в четверти мили от причала. Акцизный чиновник только что поднялся на борт, чтобы получить у капитана отчет о грузе и осмотреть его. Люди, отвезшие его туда на лодке, уже гребли обратно к берегу с новостями; лодка причалила чуть поодаль от толпы, и собравшиеся все как один ринулись к ней, желая услышать рассказ. Вцепившись в руку более взрослой и опытной Молли, Сильвия с открытым ртом слушала ответы, которые ее подруге давал угрюмый старый моряк, оказавшийся рядом с ними.

— «Решимость», монксхэйвенский корабль! — отозвался он с таким возмущением, словно ответ был очевиден даже гусю.

— Славная «Решимость»! Воистину благословенный корабль! — раздалось у локтя Мэри щебетание какой-то старушки. — Она привезла домой моего единственного сыночка — он велел молодому лодочнику сообщить мне, что с ним все в порядке. «Передай Пегги Кристисон, — сказал он (меня зовут Маргарет⁵ Кристисон). — Передай Пегги Кристисон, что ее сын Езекия жив и здоров». Слава тебе, Господи! А я-то, вдова, уж и не чаяла вновь увидеть своего мальчика!

Казалось, в тот полный радости час все разделяли чувства друг друга.

— Прошу прощеньица, но, если бы вы чуток подвинулись, я бы подняла своего малыша, чтобы он увидел папкин корабль, а мой господин, быть может, увидел его. В прошлый вторник нашему сыну исполнилось четыре месяца, а отец еще ни разу его не видал. У малыша уже и первый зубик прорезался, и второй вот-вот появится, благослови его Боже!

Перед Молли и Сильвией стояли двое богатых монксхэйвенцев, и когда они по просьбе молодой матери подвинулись, девушкам удалось услышать кое-что из произнесенного ими: эти судовладельцы обсуждали сказанное лодочниками.

— Хейнс говорит, что они отправят на берег судовой манифест минут через двадцать, как только Фишберн осмотрит бочки. Говорит, что только восемь китов.

— Пока не увидим манифест, точно сказать нельзя, — ответил другой.

— Боюсь, он прав. А вот со «Счастливого случая» новости хорошие. Он сейчас у мыса Сент-Эббс-Хед⁶ и везет пятнадцать китов.

— Узнаем, сколько в этом правды, когда он приплывет.

— Приплывет он к завтрашнему приливу.

— Это корабль моего кузена, — сказала Молли Сильвии. — Он — главный гарпунер на «Счастливом случае».

Какой-то старик коснулся ее плеча.

— Покорно прошу простить мои манеры, миссис, но я слеп как крот; мой паренек на борту того судна у отмели, а моя старуха не встает с постели. Как думаете, долго ли им еще плыть до гавани? Если недолго, я схожу домой и сообщу обо всем своей женушке, а то как бы она чего не подумала, зная, что он так близко. Могу ли я вас спросить, виднеется ли еще из-под воды Сгорбленный Негр?

Встав на цыпочки, Молли стала высматривать носивший это имя черный риф, но Сильвия, наклонившись и глядя сквозь движущуюся толпу, заметила его первым и сообщила об этом слепому старику.

— Кто у котелка стоит, у того он не кипит, — произнес тот. — Сегодня этот камень все никак не хотел уходить под воду. Как бы там ни было, а я успею сходить домой и побранить свою женушку за то, что она волновалась, ведь уверен, что так и было, хоть я и говорил ей не тревожиться, успокоиться и расслабиться.

— Нам тоже пора, — сказала Молли, когда толпа расступилась, чтобы пропустить шедшего наощупь старика. — Нам все еще нужно продать яйца и масло и купить плащ.

— Да уж, пора! — произнесла Сильвия с заметным сожалением в голосе.

Всю дорогу до Монксхэйвена ее мысли занимала покупка плаща, однако у этой девушки была впечатлительная душа, быстро проникающаяся общим настроением, и теперь, пусть Сильвия и не знала никого из команды «Решимости», ей хотелось увидеть корабль входящим в гавань так же сильно, как и тем из собравшихся, у кого на борту этого судна были близкие. Развернувшись, девушка с неохотой последовала за рассудительной Молли, зашагавшей по причалу к Масляному кресту.

В городе было очень красиво, но все слишком привыкли к этой картине, чтобы ее замечать. Солнце опустилось уже достаточно низко, превратив туман, клубившийся вдалеке над рекой, в золотую дымку. С обеих сторон Ди один за другим тянулись поросшие вереском холмы; те, что поближе, были красновато-коричневыми с бледно-зелеными вкраплениями; более отдаленные казались серыми и тусклыми на фоне яркого осеннего неба. Дома с крышами из волнистой красной черепицы в беспорядке сгрудились на одном берегу, в то время как новый пригород, выстроенный в более упорядоченной, но менее живописной манере, стоял на другом. Вода в реке продолжала прибывать из-за начавшегося прилива, и вскоре она уже начала окатывать причал у самых ног собравшейся толпы; огромные морские волны становились все ближе. Пристань была устлана придававшей ей неопрятный вид блестящей рыбьей чешуей, поскольку улов чистили прямо под открытым небом, а правил, касавшихся уборки отходов, в городе не существовало.

Свежий соленый бриз продолжал гнать приливные волны по синему морю, расстилавшемуся за отмелью. За спинами уходивших с причала девушек на воде покачивался корабль с белыми парусами; казалось, он был живым существом, которому всей душой хотелось сняться с якоря.

Можно себе представить, с каким нетерпением в тот миг бились сердца членов его команды и сколь невыносимой была задержка для ждавших на берегу, если вспомнить, что моряки шесть долгих месяцев летнего сезона не получали ни единой весточки от тех, кого любили,

ведь от жадных взглядов возлюбленных, друзей, жен и матерей их отделяли опасные и мрачные арктические моря. Никто не знал, что могло произойти. Толпа на берегу погрузилась в торжественное молчание, охваченная страхом перед возможными вестями о смерти, страхом, который, принесенный волнами прилива, тяжким грузом лег на сердца этих людей. К берегам Гренландии китобойные суда отправлялись с сильными, полными надежды людьми; однако их команды никогда не возвращались в том же составе, в каком вышли в море. На суше среди двух-трех сотен человек каждые полгода кто-нибудь да умирал. Чьи же кости остались чернеть на жутких серых айсбергах? Кто будет лежать неподвижно, пока море не отдаст мертвецов? Кто уже никогда — никогда — не вернется в Монксхэйвен?

При виде первого китобойного судна, вернувшегося из плавания и ставшего у отмели, многие сердца исполнились необузданным, невыразимым ужасом.

Вот какое настроение царило в молчаливой, замершей толпе, когда Молли и Сильвия ее покинули. Однако, пройдя по причалу пятьдесят ярдов, подружки увидели с полдюжины раскрасневшихся растрепанных девчонок: те взобрались на штабель древесины, заготовленной для сезона кораблестроения, и оттуда, словно с лестницы, обозревали гавань. Порывисто, развязно жестикулируя, они держались за руки и, покачиваясь и отбивая такт ногами, напевали:

Омут судно обойдет, обойдет, обойдет,
Омут судно обойдет, что любимого несет!

— Вы куда это собрались? — крикнули они двум подружкам. — Китобоец причалит минут через десять!

Не дожидаясь ответа, который, впрочем, так и не прозвучал, девчонки продолжили пение.

Старые моряки стояли маленькими группками, слишком гордые, чтобы продемонстрировать интерес к приключениям, участниками которых они больше не могли быть, однако совершенно неспособные притворяться, будто говорят о чем-то другом.

Городок казался очень тихим и пустынным, когда Молли и Сильвия вышли на неровную Бридж-стрит. Рынок был все таким же безлюдным, а вот корзины и трехногие табуреты исчезли.

— Рынок на сегодня закрыт, — произнесла Молли Корни с удивлением и разочарованием. — Нам нужно поспешить и продать все лавочникам. Придется поторговаться, но не думаю, что матушка рассердится.

Они с Сильвией отправились в магазин на углу, чтобы забрать свои корзины. Увидев девушек, хозяин пошутил по поводу их задержки.

— Ай-яй-яй! Стоит девицам завидеть ухажеров, как цена на масло и яйца тотчас же перестает их волновать! Рискну предположить, что на том кораблике есть кто-то, кто дал бы целый шиллинг за фунт этого масла, знай он, кто его взбивал!

Слова эти были обращены к Сильвии, ведь именно ей старик вручил корзину.

Девушка, у которой и в мыслях ничего такого не было, надулась и, вздернув подбородок, едва удостоила хромого старика благодарностью за его любезность; она была в том возрасте, когда обижаются на любые шутки подобного рода. А вот Молли сказанное ничуть не задело. Напротив, ей понравились безосновательные подозрения, что у нее может быть ухажер, и мысль о том, что его на самом деле не было, удивила даже ее саму. Если бы ей, как Сильвии, представилась возможность купить новый плащ, вдруг у нее появился бы шанс! Но увы. Молли осталось лишь рассмеяться, покраснеть, притворившись, будто предположение о том, что у нее есть возлюбленный, недалеко от истины, и ответить хромому торговцу в том же духе:

— Ему понадобится больше денег, чтобы умаслить меня стать его женой!

Когда они вышли из лавки, Сильвия произнесла почти с мольбой:

— Молли, кто он? Кто тебя должен умаслить? Просто скажи, я никому не проболтаюсь!

Ее слова прозвучали так искренне, что Молли это озадачило. Ей не очень-то хотелось признаваться, что она намекала не на какого-то конкретного, а на вымышленного ухажера, и она задумалась, какой молодой человек говорил ей самые красивые слова; список был не слишком длинным, ведь отец не мог обеспечить ее хорошим приданым, а сама она красотой не блистала. Внезапно Молли вспомнила кузена, главного гарпунера, подарившего ей две большие

раковины, в благодарность за что она нехотя поцеловала его, прежде чем он вышел в море. Слегка улыбнувшись, девушка сказала:

— Ну не знаю... Нехорошо об этом болтать, не приняв окончательного решения. Коль Чарли Кинрейд будет со мной хорош, возможно, в дом ко мне он станет вхож!

— Чарли Кинрейд! Кто он?

— Тот самый главный гарпунер, кузен, о котором я говорила.

— Думаешь, ты ему небезразлична? — спросила Сильвия еле слышным, мягким голосом, так, словно речь шла о великой тайне.

— Говори потише, — был ответ.

Больше Молли не проронила ни слова, и Сильвия не смогла понять, оборвала ли она разговор, потому что обиделась, или же причиной всему было то, что они дошли до магазина, где можно было продать масло и яйца.

— Оставь-ка корзину мне, Сильвия, — произнесла Молли, — и я выручу за товар хорошую сумму; а ты пока выбери чудесный новый плащ, покуда не стемнело. Где ты будешь его покупать?

— Матушка сказала, что лучше всего у Фостеров, — ответила Сильвия с тенью досады на лице. — А батюшка сказал, что я могу сделать это где угодно.

— У Фостеров лучший магазин; да и заглянуть потом в другие тебе никто не возбраняет. Я буду у Фостеров через пять минут; вижу, нам нужно поспешить. Уже, наверное, пять часов.

Опустив голову, Сильвия зашагала к магазину Фостеров, расположенному на рынке.

⁴ Ставшее в наше время самостоятельным, имя Молли изначально было производной формой от «Мэри».

⁵ Пегги — уменьшительная форма имени Маргарет.

⁶ Скалистый мыс, названный в честь жившей в VII веке аббатисы Эббе Колдингемской; расположен у рыбацкой деревушки Сент-Эббс в графстве Бервикшир, Шотландия.

Глава III. Покупка нового плаща

Магазин Фостеров был самым известным в Монксхэйвене. Он принадлежал двум уже успевшим состариться братьям-квакерам; до них магазином владел их отец, а до него, вероятно, — его отец. По воспоминаниям горожан, это был старомодный жилой дом; в пристроенном к первому этажу флигеле находился магазин с незастекленными окнами, которые с тех пор уже давно успели застеклить; по современным меркам окна эти показались бы очень маленькими, однако семьдесят лет назад их размеры вызывали всеобщее восхищение. Чтобы описать вид этого здания, лучше всего предложить вам представить себе лавку мясника с длинными оконными проемами, которые затем застеклили, вставив окна размером восемь на шесть дюймов в тяжелых деревянных рамах. По одному такому окну располагалось с каждой стороны от дверного проема, который днем прикрывала калитка высотой примерно в ярд. Одну половину магазина занимала бакалея, в другой торговали тканями, в том числе шелком и бархатом. Пожилые братья сердечно приветствовали завсегдатаев, пожимая многим из них руки и расспрашивая о семьях, домашних делах и работе. Свой магазин они не закрывали даже на Рождество, готовые самолично обслуживать клиентов вместо праздновавших помощников, вот только никто к ним в этот день не приходил. А на Новый год они всегда держали под прилавком огромный пирог и вино, предлагая угоститься каждому покупателю. И все же, несмотря на щепетильность, добрые братья всегда были не прочь купить контрабанду. В их дом к неприметной задней двери вела от реки тропинка, и, в ответ на условный стук, эту дверь открывал Джон или Джеремайя, а если не они, то Филип Хепберн, работавший у них в лавке продавцом, и тем самым пирогом и вином, которые всего за несколько минут до этого угощались жена акцизного чиновника, потчевали контрабандиста. Щелкали замки, зеленую шелковую занавеску, отделявшую магазин от кабинета, задергивали — впрочем, все это делалось большей частью для проформы. Контрабандой в Монксхэйвене промышляли все, кто только мог, в контрабандных нарядах ходили все, у кого были на это

деньги, и все полагались на добрососедские отношения с акцизным чиновником.

В народе говорили, что Джон и Джеремайя были настолько богаты, что могли бы купить весь новый городской район, расположившийся за мостом. Во всяком случае, они в дополнение к магазину организовали у себя дома некое подобие банка, в котором люди, боявшиеся держать деньги в своих жилищах из-за воров, хранили свои сбережения. Никто не требовал у братьев процентов с этих денег, и они тоже ничего не требовали за хранение; с другой стороны, если кто-нибудь из их клиентов просил небольшую ссуду, Фостеры, хорошенько все разузнав и в некоторых случаях получив гарантии, были не прочь ее предоставить безо всяких процентов. Продаваемые ими товары были очень хорошего качества, за чем братья следили лично, и покупатели всегда охотно платили названную цену. В народе поговаривали, что Фостеры задумали поженить Уильяма Коулсона, племянника покойной жены мистера Джеремайи, и Эстер Роуз (чья мать приходилась владельцам магазина дальней родственницей), работавшую в магазине вместе с Уильямом Коулсоном и Филипом Хепберном. Другие возражали, утверждая, что Коулсон вообще ни с кем не состоял в родстве и что, если бы Фостеры действительно хотели устроить судьбу Эстер, они бы ни за что не позволили ей и ее матери вести столь скудное существование, сдавая жилье Коулсону и Хепберну, чтобы прокормиться. Нет, Джон и Джеремайя наверняка планировали завещать свои деньги какой-нибудь больнице или благотворительной организации. Впрочем, в ответ на все это можно было заметить, что за отсутствием фактов возможны любые предположения. С большей или меньшей уверенностью можно было говорить лишь о том, что у старых джентльменов, вероятно, имелись какие-то далеко идущие планы, раз уж они позволили своей кухне пустить Коулсона и Хепберна в качестве жильцов, одного — как племянника, другого — как главного помощника в магазине, несмотря на столь юный возраст; а уж если бы у кого-нибудь из этих молодых людей возникли чувства к Эстер, все вышло бы как нельзя лучше!

Однако вернемся к нашей истории. Эстер терпеливо ждала возможности обслужить Сильвию, стоявшую перед ней в легком замешательстве и смущении, что было вызвано большим количеством красивых вещей.

Эстер была высокой молодой женщиной, не полной, но крупной, чье серьезное выражение лица делало ее старше, чем она была на самом деле. Ее густые каштановые волосы были аккуратно убраны с широкого лба и очень тщательно уложены под льняным чепцом; лицо Эстер было немного квадратным, а его цвет — слегка желтоватым, хоть и с гладкой кожей. Ее серые глаза производили весьма приятное впечатление благодаря честному и доброму выражению; губы у Эстер были слегка сжаты, как это часто бывает с людьми, привыкшими сдерживать чувства; однако, когда она говорила, вы не обращали на это внимания, а в тех редких случаях, когда она улыбалась, собеседник видел ряд ровных белых зубов; в таких случаях Эстер обычно поднимала мягкие глаза, что придавало ее лицу весьма располагающее выражение. Она носила одежду неярких цветов, что отвечало ее собственному вкусу и соответствовало религиозным обычаям Фостеров, пусть она сама и не входила в общество Друзей⁷.

Впрочем, стоявшая напротив нее Сильвия смотрела не на Эстер: она во все глаза глядела на висевшие в витрине ленты, словно едва осознавая, что в лавке был еще один человек, готовый исполнить ее пожелания; она готова была в любую секунду улыбнуться, надуться или иным образом выразить свои почти что детские эмоции; ласковая, своенравная, шаловливая, назойливая, чарующая и кто знает какая еще, способная измениться в мгновение ока в зависимости от того, что ее окружало, Сильвия представляла собой разительный контраст с Эстер, которая, едва взглянув на покупательницу, решила, что перед ней стоит самое прекрасное создание, которое она когда-либо видела; Впрочем, времени на то, чтобы любоваться посетительницей, у Эстер не было, поскольку в следующий же миг Сильвия, вырвавшись из мира грез, обернулась и заговорила:

— О, прошу прощения, мисс; я задумалась о том, сколько стоит малиновая лента.

Не произнося ни слова, Эстер подошла, чтобы взглянуть на ценник.

— Ох! Я не имела в виду, что хочу купить какую-нибудь из них; мне нужна лишь ткань для плаща. Благодарю вас, мисс, мне очень жаль. Принесите, пожалуйста, шерстяную байку.

Молча повесив ленту на место, Эстер отправилась искать байку. Когда она вернулась, к Сильвии обратился тот самый человек, общения с которым ей больше всего хотелось бы избежать и чьему

отсутствию она обрадовалась, войдя в магазин, — ее кузен Филип Хепберн.

Это был молодой человек серьезного вида, высокий, однако слегка сутулый из-за рода своих занятий. У него были густые торчащие волосы, которые, впрочем, нельзя было назвать некрасивыми; лицо было продолговатым, нос — с небольшой горбинкой, глаза — темными; выпяченная нижняя губа придавала этому лицу, которое можно было бы назвать привлекательным, несколько неприятный вид.

— Доброго дня, Сильви, — произнес Филип. — Чего ты ждешь? Как твои домашние? Позволь тебе помочь!

Поджав алые губки, девушка ответила, не глядя на него:

— У меня все прекрасно, как и у матушки; у отца приключилась легкая ревматизма... А вот и девушка, которая несет то, что мне нужно.

Сильвия отвернулась от Филипа с таким видом, словно ее краткий ответ вместил все, что она могла ему сказать. Однако кузен воскликнул:

— Ты ведь не сможешь выбрать сама!

С этими словами он привычным для торговцев движением перемахнул через прилавок.

Не обратив на него внимания, Сильвия притворилась, будто пересчитывает деньги.

— Чего ты хочешь, Сильви? — спросил Филип, в голосе которого наконец послышалась досада, вызванная ее безразличием.

— Я не люблю, когда меня называют «Сильви»; меня зовут Сильвия; а хочу я шерстяную байку для плаща, если тебе так важно это знать.

Эстер вернулась в сопровождении мальчишки-посыльного, помогавшего ей нести огромные рулоны алой и серой ткани.

— Не эту, — сказал Филип мальчишке, отпихивая алую байку ногой. — Ты ведь хочешь серую, не правда ли, Сильви? — добавил он, на правах кузена обращаясь к девушке по имени, которым звал ее с детства, позабыв, что она сказала на сей счет всего пять минут назад.

Однако Сильвия хотела именно алую ткань и была весьма рассержена.

— Алую байку, мисс, прошу вас; не нужно ее уносить.

Эстер взглянула на них обоих, на мгновение задумавшись о том, что их связывает; значит, это и была та самая хорошенькая маленькая кузина, о которой Филип говорил с ее матерью, называя девушку

«прискорбно испорченной» и «постыдно невежественной», «хорошенькой маленькой глупышкой» и так далее. Однако Сильвия Робсон весьма отличалась от образа, который Эстер рисовала в воображении, представляя ее моложе, глупее и вполнину не такой живой и очаровательной. Сейчас Сильвия сердито дулась, но это явно не было ее обычным настроением. Девушка увлеченно рассматривала красную ткань, отодвинув серую в сторону.

Филип Хепберн явно был раздосадован тем, что его советом пренебрегли; впрочем, он решил повторить свои слова.

— Это достойный, спокойный цвет, который прекрасно гармонирует с любым другим, — произнес он. — Ты же не настолько глупа, чтобы выбрать ткань, на которой будет заметна каждая капля дождя?

— Мне жаль, что ты торгуешь ни на что не годным товаром, — парировала Сильвия, осознавая выгоду своего положения и, насколько это было возможно, расслабляясь и держась более непринужденно.

Эстер решила вмешаться.

— Он имеет в виду, что ткань потеряет яркость от сырости и влаги, — сказала она. — Однако, как бы там ни было, это хороший товар и цвет поблекнет нескоро. Иначе его бы просто не было в магазине у мистера Фостера.

Филипу не понравилось посредничество между ним и Сильвией, даже столь разумное, и он погрузился в возмущенное молчание.

— Хотя, по правде говоря, серая байка плотнее, — продолжила Эстер, — и будет носиться дольше.

— Мне все равно, — ответила Сильвия, по-прежнему отвергая скучный цвет. — Восемь ярдов, мисс, будьте добры.

— На плащ понадобится не меньше девяти ярдов, — произнес Филип решительно.

— Матушка сказала мне восемь, — отозвалась Сильвия.

В глубине души она осознавала, что мать выбрала бы серый цвет, а потому решила, что должна последовать ее совету хотя бы в том, что касалось количества ткани. Впрочем, девушка решила ни в чем не соглашаться с Филипом.

На улице раздался топот ребенка, бежавшего от реки и возбужденно вопившего. Услышав это, Сильвия забыла и о плаще, и о своем недовольстве; она метнулась к двери магазина. Филип двинулся следом за ней. Эстер, отмерив нужное количество ткани, принялась

наблюдать за развернувшейся сценой со спокойно-благожелательным интересом. По улице неслась одна из девчонок, которых Сильвия увидела, когда они с Молли возвращались по причалу на рынок. Довольно хорошенькое личико побелело от возбуждения, грязное платье развевалось, а движения были тяжелыми, но в то же время свободными. Девочка принадлежала к числу самых бедных обитателей морского порта. Когда она приблизилась, Сильвия увидела, что по ее щекам струятся слезы, хотя сама она вряд ли это осознавала. Узнав стоявшую с весьма заинтересованным лицом Сильвию, девочка остановила свой неуклюжий бег и обратилась к красивому созданию, один вид которого вызывал доверие.

— Он отошел от отмели! — воскликнула девочка. — Отошел от отмели! Я должна сказать об этом матери!

Она на мгновение сжала руку Сильвии и, тяжело дыша, снова побежала.

— Сильвия, откуда ты знаешь эту девчонку? — спросил Филип строго. — Она не из тех, кому следует пожимать руку. В порту ее знают как Ньюкаслскую Бесс.

— Ничего не могу поделать, — ответила Сильвия, у которой манеры кузена вызывали еще бóльшую досаду, чем его слова. — Когда люди радуются, я тоже радуюсь; я протянула ей руку, а она мне — свою. Только подумать, что этот корабль наконец приплыл! Если бы ты видел людей, которые все высматривали и высматривали его, словно боялись умереть до того, как он привезет домой их любимых, ты бы тоже пожал руку этой девчонке, не увидев в этом ничего зазорного. Я впервые встретила ее полчаса назад на пристани и, быть может, никогда больше не увижу.

Эстер по-прежнему стояла за прилавком, однако придвинулась поближе к окну и, услышав их разговор, решила вмешаться:

— Эта девочка не может быть такой уж плохой, ведь, судя по ее словам, первым, что пришло ей в голову, — рассказать обо всем матери.

Сильвия украдкой бросила на Эстер благодарный взгляд, однако та уже вновь смотрела в окно и не заметила этого.

В магазин влетела Молли Корни.

— Фу-ты ну-ты! — сказала она. — Только послушайте! Как же они орут там, на пристани! Среди них вербовщики, будто черти на

Страшном суде. Слышите?

Все замолчали, затаив дыхание; воцарилась такая тишина, словно даже их сердца перестали биться. Впрочем, это продолжалось недолго; через мгновение раздался резкий крик множества людей, охваченных яростью и отчаянием. Различить слова на таком расстоянии было невозможно, однако крик, несомненно, был проклятьем, ревом, эхом отдававшимся вновь и вновь; ему вторил нестройный топот ног, явно приближавшийся.

— Их забирают в «Рандивус»⁸, — сказала Молли. — Эх! Был бы здесь король Георг, я бы сказала ему все, что об этом думаю!

Она сжала кулаки и стиснула зубы.

— Это просто ужасно! — произнесла Эстер. — Ведь матери и жены ждали этих моряков, как звезд небесных.

— Но неужели мы ничего не можем для них сделать? — вскричала Сильвия. — Давайте им поможем; я не могу просто стоять и смотреть!

Чуть не плача, она было ринулась к двери, однако Филип удержал ее.

— Сильви! Ты не должна этого делать. Не глупи; это закон, с которым никто ничего не может поделать, тем более женщины и девицы.

К этому времени авангард толпы уже вышел на Бридж-стрит и двигался мимо окон магазина Фостеров. Он состоял из дикого вида, похожих на лягушек юношей; они медленно пятились под напором множества тел, но все же были не в силах удержаться от выкрикивания в адрес вербовщиков дерзких оскорблений и проклятий сдавленными от неистового гнева голосами; парни потрясали кулаками прямо перед носом у вооруженных до зубов вербовщиков, размеренным шагом продвигавшихся вперед; их физиономии, белые от решимости и сдерживаемой энергии, составляли разительный контраст с загорелыми лицами полудюжины моряков, которых вербовщики сочли нужным забрать из команды китобойного судна; это был первый за много лет случай исполнения в Монксхэйвене ордера Адмиралтейства — с самого окончания Американской войны. Какой-то мужчина срывавшимся на фальцет голосом взывал к толпе; впрочем, его едва ли кто-то слышал, поскольку со всех сторон вокруг этого средоточия жестокой несправедливости кричали женщины, выбрасывая руки в укоряющих жестах и осыпая вербовщиков бранью

столь вдохновенно и быстро, словно это был греческий хор. Их дикие, голодные взгляды были устремлены на лица, которые им, быть может, уже никогда не суждено поцеловать. Щеки одних побагровели от гнева, у других посинели от бессильной жажды мщения. В некоторых лицах едва угадывались человеческие черты, хотя еще час назад те же губы, что сейчас неосознанно сложились в оскал разъяренного дикого зверя, мягко изгибались в полной надежды улыбке; пылавшие, налитые кровью глаза были любящими и ясными; сердца, коим уже никогда не забыть жестокости и несправедливости, наполнились верой и радостью всего за час до этого.

В толпе были и мужчины; угрюмые и молчаливые, они размышляли о том, как осуществить мечты о возмездии. Впрочем, их было немного, ведь бóльшая часть мужской половины этого социального класса была в море, на китобойных судах.

Бурная толпа хлынула на рыночную площадь, где стала плотнее, в то время как вербовщики продолжали расчищать себе дорогу, неумолимо продвигаясь в направлении трактира. Людская масса, где одни ждали, когда появится место, чтобы последовать за другими, издала низкий утробный рев, то и дело срывавшийся на более высокие ноты, как это бывает с львиным рыком, переходящим в яростный визг.

Какая-то женщина проталкивалась сквозь толпу со стороны моста. Она жила за городом, так что вести о возвращении китобойца после шести месяцев отсутствия до нее дошли не сразу; стоило ей оказаться на набережной, как несколько сочувственных голосов поспешили сообщить ей, что ее мужа похитили, дабы тот служил правительству.

На рыночной площади женщине пришлось остановиться (ведь выход с нее был запружен народом), и, стоя там, она впервые нарушила молчание; изо рта у нее вырвался крик, полный такого ужаса, что слова несчастной едва можно было разобрать:

— Джейми! Джейми! Неужели они не отпустят тебя ко мне?

Это было последнее, что услышала Сильвия до того, как сама разразилась истерическими рыданиями, привлечшими к ней всеобщее внимание.

Утром у нее было много работы по дому, на смену которой пришло сильное возбуждение, вызванное тем, что ей довелось увидеть и услышать с тех пор, как она вошла в Монксхэйвен; подобная реакция была вполне ожидаемой.

Молли и Эстер увели Сильвию через магазин в гостиную, принадлежавшую Джону Фостеру (Джеремая, старший из двух братьев, жил в собственном доме на другом берегу реки). Это была удобная комната с невысоким потолком, вдоль которого протянулись огромные балки и который был оклеен теми же обоями, что и стены, — элегантным предметом роскоши, приведшим Молли в неопиcуемый восторг. Окна гостиной выходили в темный дворик, где росла пара тополей, тянувшихся к закатному небу; в дверном проеме между задней частью дома и флигелем, служившим магазином, поблескивала бурлившая и пенившаяся река, чуть выше по течению которой виднелись пришвартованные рыболовные боты и прочие небольшие суда, способные пройти под мостом.

Сильвию уложили на широкий старомодный диван и дали ей воды, пытаясь унять ее всхлипывания и кашель. Чепец девушки развязали, обильно брызгая на ее лицо и спутавшиеся каштановые волосы; когда Сильвия пришла в себя, вода стекала с нее ручьем. Сев и обведя присутствующих взглядом, она убрала выбившиеся локоны со лба таким движением, словно желала прояснить и зрение, и разум.

— Где я?.. О, я знаю! Благодарю вас. Это было очень глупо, но мне почему-то стало так грустно!

Казалось, ей вот-вот снова станет дурно, однако Эстер произнесла:

— Ах, это действительно было грустно, моя бедная... Прости, не знаю твоего имени... Однако лучше не думать об этом, ведь мы ничегошеньки не можем сделать, и ты, небось, вновь расстроишься. Как я понимаю, ты — кузина Филипа Хепберна и живешь на ферме Хэйтерсбэнк?

— Да, это Сильвия Робсон, — вставила Молли, не догадавшись: разговором Эстер пыталась отвлечь Сильвию от мыслей о том, что стало причиной ее истерики. — Мы пришли на рынок, — продолжала она, — чтобы купить новый плащ, деньги на который подарил ей отец; и, конечно, я подумала, что нам повезло, когда мы увидели первого китобойца; я и представить не могла, что вербовщики так все испоганят.

Молли тоже заплакала, однако ее тихие всхлипывания заглушил звук открывшейся у нее за спиной двери. Это был Филип, жестом спросивший у Эстер, может ли он войти.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ